

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 930.26/930.85

А.М. Илюшин

АМУЛЕТЫ И ШУМЯЩИЕ ПОДВЕСКИ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

Изучая культуру средневекового населения Кузнецкой котловины, мы воспринимаем её как систему материальных и духовных ценностей, накопленных обществом за этот хронологический период своей истории. Поэтому понятие «культура» для нашего исследования означает исторически определённый уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Основанием для деления культуры на материальные и духовные ценности является факт учёта и систематизации многообразия проявлений человеческой деятельности. Материальная культура в нашем исследовании это овеществлённая культура места жительства (жилища, поселения, городища), труда и материального производства, быта и отношения к собственному телу. Духовная культура выступает как многослойное образование и включает в себя разнообразные проявления религиозного мировоззрения, погребально-поминальную практику, а также факты обрядовых и культовых действий на уровне памятников, объектов и артефактов. Необходимо отметить, что деление изучаемых древностей на материальную и духовную культуры достаточно условно, так как в реальной жизни изучаемого нами средневекового общества Кузнецкой котловины они были тесно взаимосвязаны и взаимопроникаемы между собой.

Кузнецкая котловина, расположенная в умеренной зоне северного полушария на границе Западной и Средней Сибири представляет собой один из элементов Алтайско-Саянской горной системы [1, с. 60; 2, с. 88]. В эпоху средневековья эта территория насыщенная луговым травяным покровом, лесной и лесостепной растительностью [3, с. 88-101] была заселена различными этнографическими группами, многие из которых являются предками современных малочисленных народов Кузбасса – шорцев, телеутов, калмаков и сибирских татар. Основным источником изучения истории и культуры средневекового населения Кузнецкой котловины являются археологические памятники и артефакты. Более чем за 150 лет их изучения, исследователи обобщили информацию

по средневековой истории и культуре Кузнецкой котловины на уровне трех археологических культур (лачиновской второй половины I тыс. н.э. – начала II тыс. н.э. [4, с. 36-64], саратовской конца V–XIV вв. н.э. и шандинской XI–XIV вв. н.э.), четырёх археолого-этнографических комплексов [5, с. 75-126], отдельных видов археологических памятников [6; 7; 8; 9; 10, с. 77-99; 11, с. 65-76; 12, с. 54-78; 13, с. 79-106; 14; 15; 16, с. 25-44; 17, с. 41-68; 18, с. 69-112; 19, с. 46-76; 20, с. 135-144; и др.] и закрытых предметных комплексов [21, с. 139-147; 22, с. 100-105; 23, с. 108-116; 24, с. 103-111; 25, с. 208-224; и др.], а также комплексов материальной и духовной культуры аз-кыштымов [26, с. 132-138; и др.]. В обобщающих работах мало внимания уделяется исследованию различных категорий археологических находок. Специальному изучению, преимущественно, были подвержены такие категории средневекового инвентаря как посуда и вооружение [27, с. 78-85; 28, с. 36-50; 29, с. 46-57; 30, с. 91-96; 31, с. 159-162]. Многие другие артефакты до сих пор не подвержены первоначальной классификации и системному анализу. К числу таких находок относятся амулеты и шумящие подвески, который входит в культурный комплекс предметов культового назначения. Целью настоящей работы является обобщение знаний по этим артефактом и ответ на вопрос какое место они занимали в материальной и духовной культуре средневекового населения Кузнецкой котловины.

Все средневековые предметы культового назначения, найденные на территории Кузнецкой котловины отличаются высокой художественной выразительностью. Они, как правило, выполнялись в форме разнообразных бляшек и подвесок, материал и форма, которых были подчинены духовному содержанию этих предметов. Классификация предметов культового назначения разрабатывалась многими авторами, которые исследовали культуру различных групп средневекового населения Западной и Восточной Сибири [32, с. 9-31; 33, с. 16-17, 77-89; 34, с. 94-96; 35, с. 54-65; 36, с. 83-86; 37, с. 89-92; 38, с. 27-34; и др.]. При этом, как правило, их классифицировали не как самостоятельную категорию инвентаря, а как принад-

лежность одежды и украшений, что не совсем верно. Вне всяких сомнений предметы культового назначения могли нашиваться на одежду, носиться на шнурках и теле человека, но при этом функция украшения и атрибута одежды была вторичной. Изначальная функция заключалась в том, какое семантическое значение вкладывалось людьми при изготовлении этих предметов. Именно эта функция напрямую связана с мировоззрением, культурами и верованиями в средневековом обществе привела к появлению самостоятельной категории многочисленных предметов культового назначения. Использование этих предметов для украшения одежды одновременно придавало последней большее обрядовое (символическое) значение, чем она имела изначально.

Накопленный опыт в классификации подобных предметов позволяет использовать его в нашей работе. В средневековых древностях Кузнец-

кой котловины предметы, которые относятся к категории культовых, представляют собой разнообразные амулеты и шумящие подвески. Два этих класса культовых предметов по материалу изготовления можно разделить на группы, а по форме и конструкции на двадцать семь типов.

Класс 1. Амулеты. Насчитывает три группы и двадцать два типа.

Группа 1. Бронзовые. Является самой многочисленной и насчитывает 14 типов.

Тип 1. Подвески, имитирующие солярные знаки, в различном исполнении (рис. 1, 1-5, 10).

Тип 2. Подвески в виде двух полумесяцев (рис. 2, 1).

Тип 3. Подвески в виде стремени, в разном исполнении (рис. 2, 10, 11).

Тип 4. Грушевидные подвески с рельефными краями (рис. 2, 12).

Тип 5. Подчетырехугольные подвески с риф-

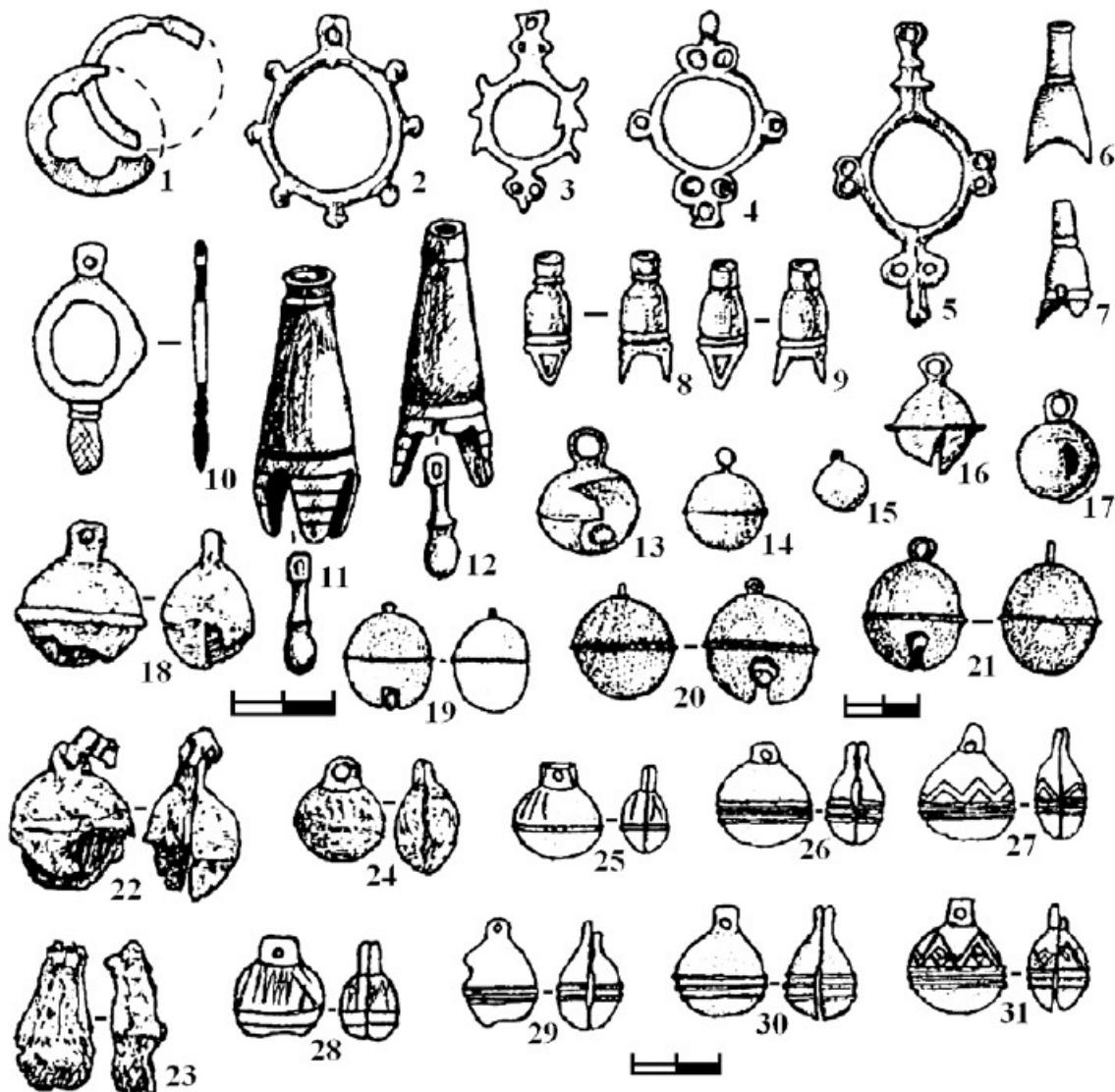

Рис. 1. Бронзовые культовые подвески: 1-3, 14-16 – Сапогово; 4, 6, 7, 17 – Ваганово-1 (по А.С. Ваютину); 5, 8, 9, 13 – Саратовка; 10, 19-21 – Сапогово-2; 11, 12 – Шабаново-1; 18, 22-24 – Ур-Бедари (по М.Г. Елькину); 25-31 – Шанда.

Рис. 2. Бронзовые культовые подвески: 1-10, 12-14, 29-30, 34 – Саратовка; 11, 15, 32 – Юрты-2 (по А.С. Васютину); 16-19, 23-26 – Ур-Бедари (по М.Г. Елькину); 20-22 – Шанда; 27 – Ваганово-1 (по А.С. Васютину); 28, 33 – Сапогово; 31 – Сидорово (по Э.У. Эрдниеву).

стием в центре (рис. 2, 13).

Тип 6. Сердцевидные цельнолитые подвески (рис. 2, 14).

Тип 7. Подвеска в форме стилизованного

плоского изображения конического колокольчика (рис. 2, 15).

Тип 8. Ажурные сердцевидные литые подвески, в разном исполнении (рис. 2, 16-23).

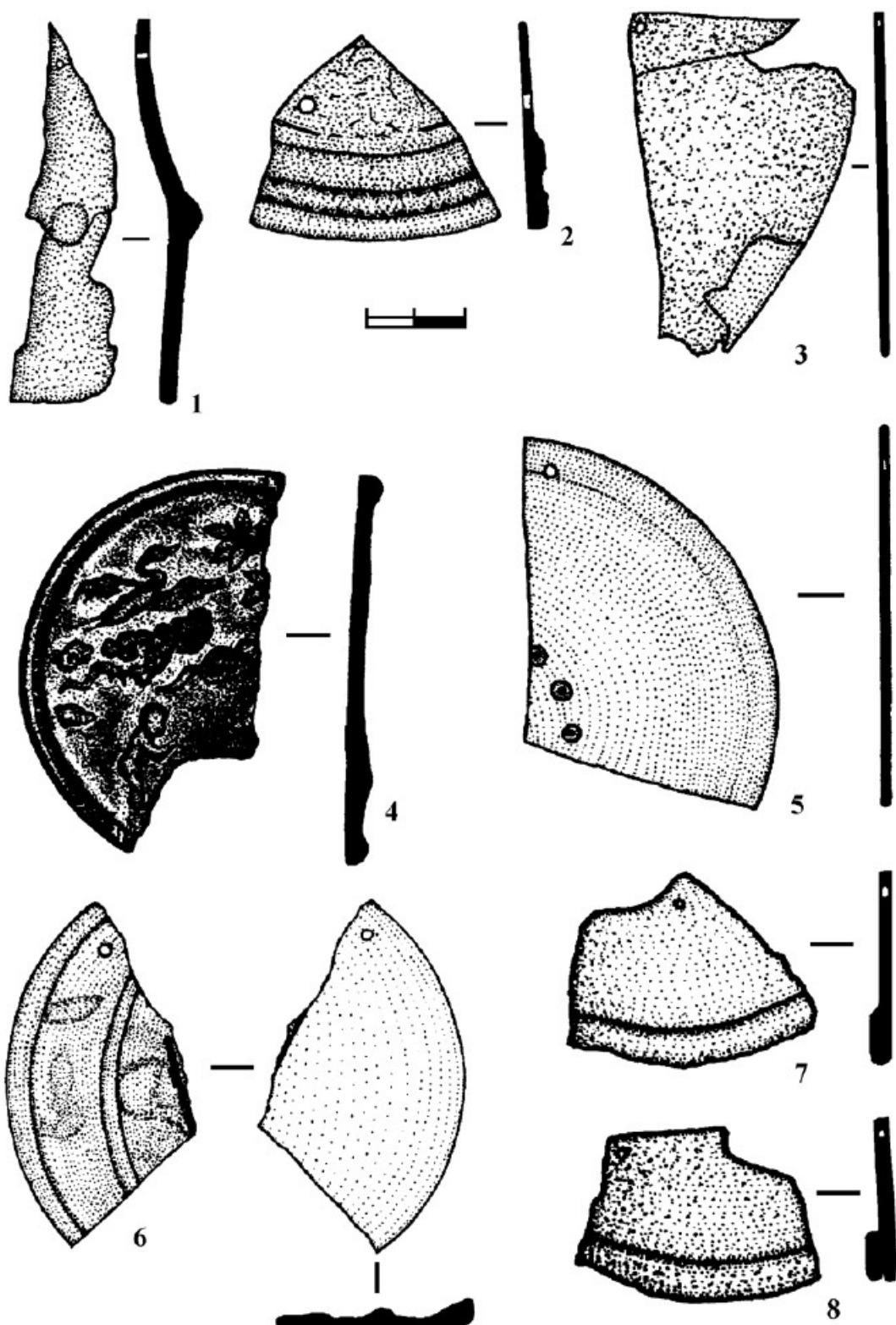

Рис. 3. Найдены бронзовых (1, 3, 5, 7, 8) и серебряных (2, 4, 6) фрагментов зеркал (амулетов) на территории Кузнецкой котловины: 1-5 – Ишаново; 6 – Конево.

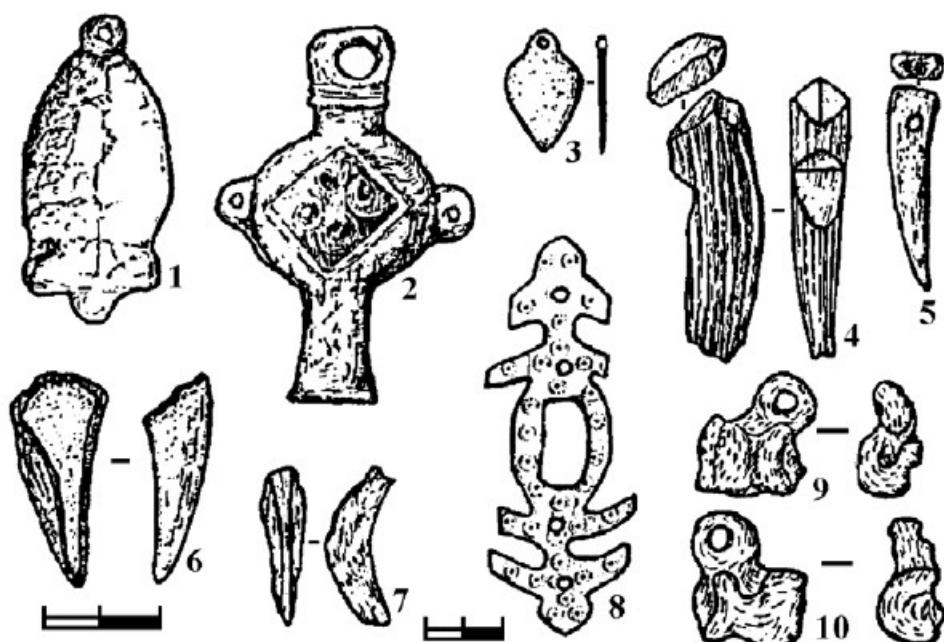

Рис. 4. Серебряные (1-3), костяные и роговые (3-10) культовые подвески: 1, 2, 9, 10 – Мостовая; 3 – Саратовка; 4, 5 – Сапогово; 6 – Шабаново-3; 7 – Сапогово-2; 8 – Промышленная-1 (по В.В. Боброву).

Тип 9. Ажурные подвески сердцевидной формы с рельефным изображением растения (рис. 2, 24).

Тип 10. Медальоны подвесные, цельнолитые (рис. 2, 25).

Тип 11. Ажурная подвеска с изображением противостоящих журавлей (или фламинго) (рис. 2, 26).

Тип 12. Подвески с изображениями летящей птицы, в разном исполнении (рис. 2, 27-32).

Тип 13. Цельнолитое полое внутри объемное изображение водоплавающей птицы, очевидно, связанные с почитанием животного-totема (утка), в разном исполнении (рис. 2, 33, 34).

Тип 14. Фрагменты зеркал с отверстиями для подвешивания, в разном исполнении (рис. 3, 1, 3, 5, 7, 8).

Группа 2. Серебряные. Насчитывает 4 типа.

Тип 1. Подвеска в форме рыбы (рис. 4, 1).

Тип 2. Фибула-подвеска с рельефным геометрическим и растительным орнаментом (рис. 4, 2).

Тип 3. Сердцевидные цельнолитые подвески (рис. 4, 3).

Тип 4. Фрагменты зеркал с отверстиями для подвешивания, в разном исполнении (рис. 3, 2, 4, 6).

Группа 3. Костяные. Насчитывает 4 типа.

Тип 1. Подвески из рога в виде когтя хищника (рис. 4, 4, 5).

Тип 2. Подвески из когтей хищников (рис. 4, 6, 7).

Тип 3. Плоская фигурная подвеска с вертикальным отверстием в центре, украшенная циркульным орнаментом (рис. 4, 8).

Тип 4. Мелкие косточки лап животных с от-

верстиями для подвески (рис. 4, 9, 10).

Класс 2. Шумящие подвески. Насчитывает одну группу и пять типов.

Группа 1. Бронзовые. Является самой многочисленной и насчитывает типов.

Тип 1. Подвесные конические язычковые колокольчики, в разном исполнении (рис. 1, 6-9, 11, 12).

Тип 2. Круглые бубенцы с петлей для подвески, в разном исполнении (рис. 1, 13-15, 17).

Тип 3. Круглые бубенцы с петлей для подвески и прорезью в нижней части (рис. 1, 16, 19-21).

Тип 4. Подвесные двусоставные бубенчики овальной и конической формы с рельефным геометрическим орнаментом, в разном исполнении (рис. 1, 18, 22-31).

Тип 5. Каплевидные подвески-язычки округлой и овальной формы цельнолитые с рельефным геометрическим орнаментом, в разном исполнении (рис. 2, 2-9).

Проделанная классификация сразу же обращает на себя внимание тем, что большинство предметов культового назначения сделаны из цветных металлов. Вероятно, это связано с тем, что в тюркском мире имело место широкое распространение представлений о металле как об обереге [39, с. 185]. Однако, семантика классифицированных предметов культового назначения нам неизвестна, поэтому их смысловое значение можно лишь предполагать для отдельных типов, выстраивая гипотезы на основе этнографических сведений.

Бронзовые подвески, имитирующие солярные знаки, в различном исполнении (рис. 1, 1-5, 10), условно можно назвать солнечными амулетами.

Вполне допустимо предполагать о том, что они связаны с культурами солнца и огня, и выполняли другую, вероятно, ведущую функцию – амулета-оберега для их владельцев. По верованиям осятков, солнце и огонь – две дочери верховного бога, который поручил им освещать и согревать жителей земли [40, с. 224]. Косвенно на это указывает и тот факт, что «солнечные амулеты» зафиксированы в древностях раннего и развитого средневековья саратовской археологической культуры, население которой погребало своих родственников по обряду кремации на стороне.

Вероятно, аналогичную или близкую по содержанию функцию выполняли бронзовые и серебряные амулеты, представляющие собой фрагменты зеркал (рис. 3, 1-8), которые в основном зафиксированы в древностях развитого средневековья шандинской археологической культуры, которая генетически связана с культурой бачатских телеутов. У последних известно, что предметы, которые клали в могилу, намерено портили, обламывали у них края и совершали другие действия по отношению к ним, тем самым как бы умерщвляя их. Делали это скорее затем, чтобы в другом мире эти вещи могли принять свой «настоящий» вид и использоваться умершими [39, с. 240; 41, с. 332]. Корни этой традиции уходят в глубокую древность, поэтому она известна у многих народов Северной Азии, в том числе и у другого коренного этноса Кузнецкой котловины – шорцев [40, с. 221; 42, с. 249-250]. Эта информация объясняет, почему на погребальных памятниках кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины фиксируются в основном лишь фрагменты зеркал или зеркала подверженные частичной ломке. Из этнографических сведений известно, что в мировоззрении тюркских народов Южной Сибири ритуальными функциями наделены многочисленные бытовые предметы по своей вторичной функции [43, с. 188-194]. Вероятно, это касается и средневековых зеркал, которые отслужив свой век и утратив первоначальную функцию, переделывались для исполнения культовых действий связанных с верованиями и тем самым получали «вторую жизнь» в качестве амулета-оберега.

Бронзовые ажурные сердцевидные литые подвески, в разном исполнении, в том числе и с рельефным изображением растения (рис. 2, 16-24), вероятно, связаны с культом родового дерева. Эти амулеты отражали факт «соединения» человека и растения, тем самым, подчеркивая цикличность человеческой жизни.

Важным обстоятельством является тот факт, что эти находки были сделаны лишь в могилах женщин и девочек на погребальных памятниках развитого средневековья шандинской археологической культуры. Это позволяет предполагать, что они являются индивидуальными специфическими женскими амулетами, выполняющими функцию оберега при деторождении и преемст-

венности традиций жизни от одного к поколению. В тюркской культуре прослеживается «одержимость» идеей дерева и родства с миром трав, листвьев, побегов, а украшения с этой символикой неразрывно связаны с культом плодородия [43, с. 173; 44, с. 43; 45, с. 238; и др.].

Бронзовые и серебряные сердцевидные цельнолитые подвески (рис. 2, 14; 4, 3) входили в состав ожерелья из бус и псевдошумящей подвески [14, с. 141], которое, наиболее вероятно, выполняло роль оберега семейного благополучия. Последняя функция традиционно приписывается бусинам в культуре тюркоязычного населения Южной Сибири [43, с. 174].

Костяные и роговые амулеты (рис. 4, 4-10) в первую очередь выполняли оберегающую функцию и, вероятно, были связаны с верой в удачную охоту. Видимо, близки к этой функции и зооморфные металлические амулеты (рис. 2, 26-34; 4, 1), но при этом нельзя исключать их связь с верой и культомtotема. Кроме того, в мифологии сибирских народов известно, что во время шаманского камлания шаман совершает путешествие в нижний мир или океан смерти, превращаясь в птицу [46, с. 109]. Поэтому находки бронзовых подвесок с изображениями летящей птицы, в разном исполнении (рис. 2, 27-32), в средневековых погребальных комплексах можно интерпретировать как вспомогательное средство для совершения душой погребенного человека путешествия в иной мир.

Бронзовые шумящие подвески представлены различными предметами (рис. 1, 6-9, 11-31; 2, 2-9), которые были призваны издавать звук во время проведения ритуальных действий с целью отпугнуть злых духов или наоборот призвать добрых духов или божество. Как правило, такие предметы использовались для украшения шаманского костюма, головного убора и бубна [43, с. 176; и др.], но могли использоваться и как обереги рядовыми членами общества.

Оценивая значение предметов культового назначения в материальной и духовной культуре средневекового населения Кузнецкой котловины можно констатировать, что они занимают свое специфическое место в вещном мире. Они представлены большим типологическим разнообразием форм и материалов исполнения.

Среди них существуют предметы, которые изначально предназначались для исполнения культовых действий и те которые переделывались в культовые в результате утраты ими своей первичной функции. Разнообразные амулеты и шумящие подвески играли заметную роль в повседневной жизни средневекового населения Кузнецкой котловины, наделялись ими глубоким семантическим смыслом, оберегали людей в повседневной жизни и сопровождали их в иной мир после смерти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая Советская Энциклопедия. Т. 30. З-е изд. М.: «Советская Энциклопедия», 1955. 656 с.
2. Мытарев А.А. От Абы до Яи. Географический словарь Кемеровской области. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1970. 216 с.
3. Куминова А.В. Растительность Кемеровской области. Новосибирск, 1949. 198 с.
4. Окунева И.В. Лачиновская культура // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 36-64.
5. Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.
6. Эрдниев У.Э. Городище Маяк. Кемеровское книжное изд-во, 1960. 68 с.
7. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 126 с.
8. Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.
9. Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 119 с.
10. Савинов Д.Г. Могильник Калтышино-1 (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 77-99.
11. Ширин Ю.В. Поселения конца I тыс. н.э. в предгорьях Кузнецкого Алатау // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 65-76.
12. Илюшин А.М. Курганская группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. С. 54-78.
13. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Курганская группа Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. С. 79-106.
14. Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 160 с.
15. Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 208 с.
16. Ширин Ю.В. Многослойное поселение Казанково V // Кузнецкая старина. Вып. 4. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1999. С. 25-44.
17. Кузнецов Н.А. Курганный могильник Шестаки-1 // Кузнецкая старина. Вып. 6. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2004. С. 41-68.
18. Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Вып. 6. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2004. С. 69-112.
19. Кузнецов Н.А. Есаульская курганская группа // Кузнецкая старина. Вып. 7. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2005. С. 46-76.
20. Илюшин А.М. Культовые памятники средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Кузбасского государственного технического университета, 2006. №6.2. С. 135-144.
21. Бородкин Ю.М. Курганы у с. Тарасово // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1977. С. 139-147.
22. Васютин А.С. О двух предметных комплексах из Кузнецкой котловины (по материалам раскопок двух курганов на могильниках Ваганово I и Калтышино II в Промышленновском районе Кемеровской области) // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность. Кемерово: КемГУ, 1992. С. 100-105.
23. Бобров В.В. Курган могильника Промышленная-1 // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 108-116.
24. Илюшин А.М. Средневековые курганы со рвами в Кузнецкой котловине (хронология и культурная принадлежность) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 103-111.
25. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Впускные погребения Шабаново-1 // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 208-224.
26. Илюшин А.М. Материальная и духовная культура аз-кыштымов (по археологическим данным) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. С. 132-138.
27. Окунева И.В. Керамика поселения Курья-4 // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово: КемГУ, 1987. С. 78-85.
28. Ширин Ю.В. Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // Орнамент народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 36-50.

29. Худяков Ю.С. Стрелы Елыкаевской коллекции // Кузнецкая старина. Вып. 1. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1993. С. 46-57.
30. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Комплекс вооружения предмонгольского времени из кургана-кладбища Сапогово-2 // Кузнецкая старина. Вып. 2. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1994. С. 91-96.
31. Илюшин А.М. Уникальные находки посуды в средневековых древностях Кузнецкой котловины // Вестник Кузбасского государственного технического университета, 2006. №4. С. 159-162.
32. Яковлев Я.А. Средневековое культовое литье Нарымского Приобья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. С. 9-31.
33. Беликова О.Б., Плетнёва Л.М. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. 240 с.
34. Асеев И.В., Кирилов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1984. 186 с.
35. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху средневековья. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 181 с.
36. Арсланова Ф.Х. Языческая символика в обрядовой женской одежде кимаков и кыпчаков // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Докл. республ. науч. конф. Ч. 2. Омск: ОмГУ, 1992. С. 83-86.
37. Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X-XIII вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. 272 с.
38. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. 152 с.
39. Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XVIII: Телеуты. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1993. 326 с.
40. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1981. 245 с.
41. Малов С.Е. Несколько замечаний к статье А.В. Анохина «Душа и её свойства по представлениям телеутов» // Материалы по археологии и этнографии. 1929. Т. 8. С. 330-333.
42. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
43. Лъвова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
44. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.
45. Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центральной Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
46. Романова Е.Н. К интерпретации символики якутского шаманского обряда (путешествие за душой-«кут» больного) // Шаманизм и ранние религиозные представления. М., 1995. С. 108-114.

Автор статьи:

Илюшин
 Андрей Михайлович,
 докт. истор. наук, проф.
 каф. отечественной истории, теории
 и истории культуры КузГТУ, ди-
 ректор ГНЦ, начальник Кузнецкой
 комплексной археолого-
 этнографической экспедиции.
 Тел. 8-3842-39-69-04,
 ilushin1963@mail.ru